

Льдов Константин

**Стихотворения Константина
Льдова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
К65

К65 **Константин Л.**
Стихотворения Константина Льдова / Льдов Константин – М.: Книга по Требованию, 2023. –
268 с.

ISBN 978-5-519-94276-8

ISBN 978-5-519-94276-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГРОБОВЩИКЪ.

Набросокъ.

I.

Я напаялъ комнату миновавшею весною
Съ окномъ на улицу... Толпы далекой шумъ
Звучить неясною, но жизненной струною,
И будить иногда мечтательный мой умъ...
Я слышу, какъ гудитъ тревожная столица,
Бодрящій жизни гулъ врывается въ окно
И точно говоритъ, что унывать грѣшно,
Что люди—не цвѣты, и городъ—не теплица...
Внимая у окна неяснымъ голосамъ,
Какъ будто на призывъ, и самъ я откли-
каюсь,
И, измѣнивъ въ мечтахъ далекимъ небесамъ,
Къ страдающей землѣ любовно возвращаюсь.
И рядъ житейскихъ драмъ проходитъ предо
мною,
И страстно ихъ облечь хочу я въ плоть и
краски,
Но жизнь, увы, страннѣй невѣроятной
сказки...

И то, что видѣлъ я минувшею весной,
Сочтетъ иной за плодъ фантазіи больной,—
И бросить мой разсказъ задолго до развязки.

Сперва лишь изрѣдка къ окну я подходилъ:
Сосѣдъ напротивъ жилъ профессіи пе-
чальной;

Высокимъ слогомъ, былъ онъ мастеръ по-
гребальный,
А проще—гробовщикъ... Въ недѣлю я за-
былъ

Нелѣпый страхъ къ гробамъ. Насталъ се-
зонъ весенній,

Старикъ захлопоталъ,—и цѣлью наблюденій
Сталъ скоро для меня... И часто я любилъ
Смотрѣть, какъ новый гробъ онъ бойко ма-
стерилъ.

Природу вѣчную, какъ юность, обновляя,
Какъ благовѣста звонъ, будя ее отъ сна,
Уносить много жертвъ безпечная весна...
И, нашъ сырой апрѣль задумчиво встрѣчая,
Рѣшаетъ гробовщикъ: пришла пора страдная!..
Едва повѣетъ май живительнымъ тепломъ
И на вѣтвяхъ березъ покажутся побѣги,
И сердце, возродясь, полно какой-то нѣги,
Запроситъ счастья, забывши о быломъ,—
Потянутся тогда, подъ траурнымъ чехломъ,

И дроги пышныя, и бѣдныя телѣги...
Иронія судьбы надъ долею людскою,—
Страданіе и смерть идутъ съ весною рядомъ,
Что многимъ жизнь даетъ, для многихъ
служить ядомъ,
И счастье любви предсмертною тоской
Смѣняется въ пол-дня... Незримою рукой
Какой-то темный духъ, какой-то злобный геній
Кладетъ на насъ печать ничтожества и тьмы,—
И никнемъ мы челомъ, и постигаемъ мы
Таинственный итогъ желаній и стремленій...

Но старый гробовщикъ, склонившись надъ
доской,
Стругаетъ и пилитъ увѣренной рукой,—
Какъ будто онъ не гробъ готовитъ для
кладбища,
А кресло или столъ въ веселой мастерской,
Для молодой четы и свѣтлаго жилища.
Окончивъ новый гробъ и крышкою накрывъ,
Любуется старикъ на бронзовыя ручки,
На золотой парчи сіяющій отливъ,
И съ нетерпѣньемъ ждетъ своей малютки-
внучки.
И вотъ она бѣжитъ...

— «Ахъ, дѣдка, какъ
красивъ!

Какой прелестный гробъ!...» И, приподнявши
крышку,

Ложится подъ нее, и въ щелочку глядитъ,
Смѣясь, на старика... Онъ будто-бы сердить,
И гонить прочь ее, и треплетъ шалунишку,
И на руки беретъ... Прелестное дитя
Такъ нѣжно обовѣтъ морщинистую шею,
И къ старику прильнетъ головкою своею,
Ласкаясь, и смѣясь, и нѣжась, и шутя...
И взоры оторвать отъ трогательной сцены
Не въ силахъ я тогда... Какъ будто свѣтлый
лучъ

Освѣтитъ все вокругъ, и сумрачныя стѣны
Привѣтливѣйи глядятъ... Какой-то теплый
ключъ

Согрѣетъ сердце мнѣ, и звонкій смѣхъ и шутки
Прелестной, какъ заря, и радостной малютки,
Очаровавъ весь міръ и вдохновивъ меня,
Какъ будто льютъ лучи негаснущаго дня...
Какъ будто бы цвѣтокъ завѣтной незабудки,
Мой ангелъ, ты мнѣ шлешь,—и, ясный,
голубой,
Онъ шепчетъ о тебѣ... И полонъ я тобой...

II.

Кончался свѣтлый май и лѣто наступало,
Лиловая сирень роскошно зацвѣтала,
Черешня отцвѣла... Пріятель мой сѣдой,
Веселый гробовщикъ, все заваленъ работой,
Но сталъ я замѣчать, что ужъ не съ той охотой
Онъ украшаетъ гробъ сіяющей парчой...
Малютки не видать... Двѣ долгія недѣли
Печально протекли. Однажды я смотрю,—
Старикъ уныло сѣлъ у гроба на скамью,
И точно онѣмѣлъ... Глаза его безъ цѣли
Блуждали вдаль, и слезы въ нихъ блестѣли...
— О чемъ бы плакать могъ безпечный
гробовщикъ?

Подумалъ было я, но ожилъ вдругъ старикъ
И съ жаромъ принялся за прежнюю работу...
Онъ гробикъ мастерилъ. Тяжелый молотокъ
Изъ блещущихъ гвоздей и стонущихъ досокъ
Уныло выбивалъ одну и ту же ноту,
Одинъ и тотъ же тонъ... Не слышалъ никогда

При восковыхъ свѣчахъ, во время отпѣванья,
 Малюткѣ я взглянулъ въ закрытые глаза, —
 На нихъ лежала тѣнь недавняго страданья...
 И больно стало мнѣ, и робкая слеза
 Скатилась изъ очей...

Сдавивъ въ груди рыданья,
 Я бросилъ горсть земли на серебристый гробъ...
 Старикъ не выдержалъ... Подломленный.

какъ снопъ,
 На свѣжій холмъ земли онъ грузно опустился...
 Печальный и больной, я чувствовалъ ознобъ,
 И поспѣшилъ домой, и страннымъ сномъ
 забылся...

Когда проснулся я, закатъ уже пылалъ
 И тѣни сумерекъ ложились паутиной...
 Я растворилъ окно и долго наблюдалъ
 За неизмѣнною, знакомою картиной...
 Старикъ уже сидѣлъ въ ужасной мастерской
 И снова принялся за прежнюю работу.
 Тяжелый молотокъ надъ стонущей доской,
 Какъ прежде, занесенъ, и выбилъ ту же ноту, —
 Одинъ и тотъ же стонъ въ ударахъ безъ числа:
 —Малютка отцвѣла!.. Малютка умерла!..

И этотъ стонъ звучалъ за мною долго всюду,
 Сводилъ меня съ ума, и чуть совсѣмъ не свелъ...

Уѣхалъ, къ счастью, я, и годъ съ тѣхъ поръ
прошелъ,

Но все-таки его нескоро я забуду...

А старыіі гробовщикъ и впрямь сошелъ съ ума:
Помѣшанъ онъ на томъ, что смерть—умреть
сама,

И гробъ ей мастерить...

Май 1888.

